

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0 + 821.133.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)53 +
83.3(4Фра)53

ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК: ФРАНЦУЗСКИЕ ИСТОЧНИКИ МИСТИФИКАЦИИ¹

© 2021 г. А.Д. Савина

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 27 апреля 2020 г.

Дата одобрения рецензентами: 02 августа 2020 г.

Дата публикации: 25 июня 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-164-183>

Аннотация: В статье показано, какую роль в осуществлении такого характерного для эпохи Серебряного века эксперимента, как создание Черубины де Габриак, сыграло увлечение М. Волошина творчеством позднего французского романтика О. Вилье де Лиль-Адана. Летом 1909 г., в период, когда была задумана совместная мистификация М. Волошина и Е. Дмитриевой, киммерийский поэт выполнил перевод философской драмы О. Вилье де Лиль-Адана «Аксель» и осмыслил пьесу и судьбу ее автора в отдельном очерке. Общие мотивы и образы, обнаруженные в стихотворениях Черубины де Габриак, драме французского писателя и статьях М. Волошина, позволяют назвать героиню «Акселя» Сару де Моперс литературным прототипом вымышленной поэтессы, а также утверждать, что на лирике Черубины-Дмитриевой сказалось знакомство с творчеством О. Вилье де Лиль-Адана и волошинской интерпретацией его судьбы. Не менее важно, что импульсом к созданию идеальной иллюзорной поэтессы могло стать внимание М. Волошина к фантастическому роману О. Вилье де Лиль-Адана «Будущая Ева». Статья об этом произведении фигурировала в первоначальных планах М. Волошина для журнала «Аполлон», а его героиню позднее упоминает С. Маковский в своих воспоминаниях о Черубине.

Ключевые слова: литературная мистификация, Черубина де Габриак, М.А. Волошин, Е.И. Дмитриева, О. Вилье де Лиль-Адан, Серебряный век, искусственный человек, идеал, литературная рецепция.

Информация об авторе: Анфиса Даниловна Савина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8081-5159>

E-mail: anfisa.savina@yandex.ru

Для цитирования: Савина А.Д. Черубина де Габриак: французские источники мистификации // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 2. С. 164–183. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-164-183>

¹ Препринт настоящей версии статьи см.: Савина А.Д. Восприятие творчества О. Вилье де Лиль-Адана в России конца XIX — начала XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 334 с.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 2, 2021

CHERUBINA DE GABRIAK: FRENCH SOURCES OF THE MYSTIFICATION

© 2021. Anfisa D. Savina

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: April 27, 2020

Approved after reviewing: August 02, 2020

Date of publication: June 25, 2021

Abstract: The article shows what role M. Voloshin's interest in the work of Auguste Villiers de l'Isle-Adam played in the creation of Cherubina de Gabriak. This famous mystification was planned by M. Voloshin and E. Dmitrieva in the summer of 1909 when the poet was translating Villiers' philosophical drama *Axel* and writing an essay about the play and its author. Shared motifs and images that were discovered in Cherubina's poems, Villiers' drama and Voloshin's essays, allow to treat the heroine of *Axel* (Sara de Maupers) as a literary prototype of the fictional poetess and to assert that Cherubina-Dmitrieva's poetry was influenced by Villiers' works and Voloshin's interpretation of the former's life. Also, it is important that Voloshin's attention on Villiers' novel *Future Eve* could serve as an impulse to creation of the ideal illusory poetess: an article about this work figured in Voloshin's first projects for *Apollon* magazine. S. Makovsky wrote about the heroine of this novel in his memoirs of Cherubina.

Keywords: literary mystification, Cherubina de Gabriak, M.A. Voloshin, E.I. Dmitrieva, Auguste Villiers de l'Isle-Adam, Silver Age, artificial man, ideal, literary reception.

Information about the author: Anfisa D. Savina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8081-5159>

E-mail: anfisa.savina@yandex.ru

For citation: Savina, A.D. "Cherubina de Gabriak: French Sources of the Mystification." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 2, 2021, pp. 164–183. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-164-183>

Создание Черубины де Габриак — и как яркий пример жизнетворческих экспериментов эпохи, и как событие, затронувшее судьбы отнюдь не второстепенных представителей культуры Серебряного века, — закономерно заслуживает внимания литературоведов. История мистификации, взбудоражившей весь литературный Петербург, в общих чертах восстанавливается благодаря мемуарам вольных и невольных ее участников [10, т. 7, кн. 2, с. 451–471; 11; 12; 13]. Начавшаяся в сентябре 1909 г. игра длилась около двух месяцев, на протяжении которых редактор «Аполлона» С.К. Маковский получал от таинственной аристократки русско-французского происхождения стихи и письма и почти ежедневно разговаривал с ней по телефону. «Удивительный» голос, обвороживший С.К. Маковского, принадлежал Елизавете Дмитриевой², письма сочинял М. Волошин, стихи «писала только Лиля», хотя киммерийский поэт, безусловно, был причастен к их созданию³. С течением времени к исходным данным добавлялись новые подробности, персонажи, события. В середине ноября стало известно, что под маской Черубины де Габриак скрывалась Е.И. Дмитриева.

Помимо реальной подоплеки событий, современных исследователей интересуют мотивы, движущие М.А. Волошиным и Е.И. Дмитриевой при создании мистификации, и тесно связанная с этим проблема механизма творения мифа [3; 7 и др.]. В то же время сама поэзия Черубины как часть

2 В 1911 г. Е.И. Дмитриева вышла замуж за В.Н. Васильева и сменила фамилию. Мы указываем первую фамилию.

3 «В стихах Черубины я играл роль режиссера и цензора, подсказывал темы, выражения, давал задания, но писала только Лиля. <...> Если в стихах я давал только идеи и принимал как можно меньше участия в выполнении, то переписка Черубины с Маковским лежала исключительно на мне», — вспоминает М. Волошин [10, т. 7, кн. 2, с. 456, 458].

творчества Е.И. Дмитриевой все чаще становится объектом исследовательского внимания [4; 5 и др.]. В данной статье мы надеемся дать дополнительное освещение этим аспектам, учитывая серьезное увлечение М. Волошина французской литературой, а именно творчеством позднего французского романтика О. Вилье де Лиль-Адана.

***

В феврале 1909 г. завязалось интенсивное общение Волошина с будущим основателем и редактором «Аполлона» С.К. Маковским. Надеясь обрести в «Аполлоне» близкий по духу печатный орган и рассчитывая заведовать литературно-критическим отделом журнала, М. Волошин посвящает лето 1909 г. «уединенной и сосредоточенной работе», обратившись к творчеству любимых французских писателей [10, т. 9, с. 468]. В числе прочего поэт переводит на русский язык сложную философскую драму «Аксель» О. Вилье де Лиль-Адана и пишет статью-предисловие о пьесе и ее авторе.

Свое восхищение творчеством О. Вилье де Лиль-Адана М. Волошин подчеркивал на протяжении всей жизни: в 1932 г., отвечая на анкету Е. Архиппова, русский мэтр назовет автора «Акселя» среди трех любимых «исключительно и неотступно» французских поэтов [10, т. 7, кн. 2, с. 302]. Кроме творчества, внимание русского поэта притягивала личность писателя и его судьба, овеянная множеством более или менее правдоподобных легенд. В кокетельской библиотеке М. Волошина сохранились издания разных произведений О. Вилье де Лиль-Адана, он рецензировал вышедший на русском языке сборник новелл французского писателя и посвятил заметку его роману «Будущая Ева». Однако любимым произведением, без сомнения, оставалась драма «Аксель» — вершинное произведение О. Вилье де Лиль-Адана, в котором под романтическими декорациями скрывается философия писателя, его «духовное завещание» (С. Малларме), во многом предвосхитившее и определившее развитие символистского театра. По сюжету «гениальной оккультной драмы» (именно так М. Волошин аттестовал «Акселя» еще в 1907 г.) главные герои — идеально-прекрасные юноша и девушка (Аксель д'Ауэрсберг и Сара де Моперс), потомки двух древних розенкрейцеровских родов, — проходят ряд искушений (католичеством, оккультизмом, земными удовольствиями), чтобы, встретившись в полном

сокровищ подземелье, преодолеть соблазны золота и любви и добровольно отрешиться от жизни, обретая в смерти путь к истине.

Отсылки к философским тирадам героев «Акселя» встречаются в письмах, критике и лирике М. Волошина. В написанной летом 1909 г. статье «Апофеоз мечты и смерти. Трагедия Вилье де Лиль-Адана “Аксель” и трагедия его собственной жизни» М. Волошин представляет драму как произведение об освобождении человеческого духа, в то же время при анализе текста критик выходит к целому ряду важнейших вопросов: значимости индивидуального, не подчиненного готовым доктринам пути к истине, проблемам национального характера, соотношения *мыслимого* и *реального*.

Подготовленная для «Аполлона» статья состояла из двух частей (в более поздней версии, вошедшей в сборник «Лики творчества», добавилась небольшая преамбула): в первой М. Волошин подробно, привлекая разнообразные сопоставления, рассматривал сюжет и героев «Акселя», вторая посвящена судьбе автора. Создавая литературный портрет О. Вилье де Лиль-Адана, М. Волошин «главными чертами» писателя называет «царственное утверждение лазурной мечты, грезу о золоте, которой жила его фантазия, устремление к запредельному и мстительный сарказм» [10, т. 3, с. 26]. Любопытные события из жизни О. Вилье критик стремится представить в двойном измерении: «реальности духа» — эпизоды, раскрывающие его неординарное воображение и блестящее остроумие, — и «реальности здравого смысла» — случаи, свидетельствующие о безвестности и бытовой неустроенности.

Особенностью статьи становится сопоставление французского автора с героем его драмы: «Если мы станем искать в жизни прототипа Акселя, то это будет, конечно, сам Вилье де Лиль-Адан. Трагедия эта — и автобиография и исповедь...» [10, т. 3, с. 25]. Волошин не просто констатирует аристократизм О. Вилье де Лиль-Адана — в соответствии с сюжетом «Акселя» критик указывает, что «великий род» Вилье был избран «тайными строителями человеческих жизней еще во времена крестовых походов»: «нужны были все десятки поколений этого рода, пронизавшего свою волей историю старой Франции, чтобы на самой вершине своей пирамиды в середине девятнадцатого века воздвигнуть одного поэта» [10, т. 3, с. 26]. Создавая «собственный “миф” о художнике» [1, с. 108], критик представляет О. Вилье де Лиль-Адана воплощением истинного Поэта. Именно с таким «ликом» французского автора связаны выделенные в статье особенности

его личности и судьбы: глубокое одиночество, жизненная неустроенность («библейская бедность»), страсть к созданию легенд и мистификаций, верность мечте. Важным смысловым акцентом статьи становится утверждение права *поэта* видеть происходящее иначе, чем окружающие, мысленно *преобразить* действительность, что отнюдь не мешает ему понимать «внешний мир» «в самых глубинных и непреходящих устоях своих» [10, т. 3, с. 32].

Не только для М. Волошина, но и для Е. Дмитриевой, гостившей в Коктебеле летом 1909 г. и даже записывавшей под диктовку поэта некоторые фрагменты перевода [2, с. 8], «Аксель» стал значимой книгой, подтверждение чему можно найти в ее позднейших письмах М. Волошину [16, с. 82] и Е. Архиппову [16, с. 92]. На наш взгляд, работа над переводом «Акселя» и статьей, в которой огромную роль играет комплекс понятий *Иллюзия-Мечта-Легенда-Мистификация*, повлияла и на замысел создания вымышленной поэтессы, и на его реализацию.

***

Под именем Черубины де Габриак в «Аполлоне» было опубликовано две поэтические подборки: в № 2 1909 г. (12 стихотворений) и — уже после разоблачения — в № 10 1910 г. (13 стихотворений). Одновременно с первой подборкой в журнале появилась статья М. Волошина «Гороскоп Черубины де Габриак», в которой критик развивал и закреплял миф о Черубине. М. Волошин возводит творческую родословную поэтессы к О. Вилье де Лиль-Адану и Барбэ д'Оревильи; при этом и замечания критика, касающиеся связи таланта Черубины с поздним французским романтизмом, и сделанное в заключение пророчество «золотого, неверного и нерадостного дара — славы» [10, т. 6, кн. 1, с. 266] отсылает нас к волошинской рецепции судеб «подземных классиков», в частности, жизненного пути О. Вилье де Лиль-Адана. Характеризуя творчество Черубины де Габриак, М. Волошин сравнивает лирическую героиню ее поэзии с двумя «предшественницами»: св. Терезой Авильской и Сарой де Моперс, героиней «Акселя». В научной литературе внимание, как правило, уделяется связи образа Черубины с Терезой Авильской⁴, чему

4 Отмечая интерес Е.И. Дмитриевой к «испанской мистичке» еще в «дочерубининский» период, М.С. Ланда указывает на биографические детали и черты характера, унаследованные мнимой петербургской поэтессой от знаменитой святой, а также отмечает отдельные мотивы лирики Черубины, восходящие к «Жизнеописанию» Терезы Авильской. В частности, книга св. Терезы стала одним из источников имени «Черубина» [3, с. 20–27].

отчасти способствуют воспоминания Волошина, в которых он подчеркнул испанские корни создаваемого мифа: «Мы сделали Черубину страстной католичкой, т<ак> к<ак> эта тема еще не была использована в тогдашнем Петербурге. <...> Затем решили внести в стихи побольше Испании. <...> Кроме того, необходима была преступно-католическая любовь к Христу» [10, т. 7, кн. 2, с. 456–458]. Ко второму — литературному — прототипу, восходящему к французским интересам М. Волошина, исследователи обращаются реже, упоминая лишь некоторые, бросающиеся в глаза черты сходства Черубины с героиней О. Вилье де Лиль-Адана (благородное происхождение, заключение в монастыре, мрачная красота [6, с. 12; 7, с. 182]). Мы не возьмемся утверждать, как Т.Ф. Щурган и И.Б. Устюжин, что в 1909 г. Сара де Моперс была для М. Волошина «образом истины, света и любви», однако отметим, что, отвечая в это время на тургеневскую анкету, поэт называет Сару своей любимой героиней [10, т. 7, кн. 2, с. 285]. В образе Черубины явственно проступают черты возлюбленной Акселя, а в лирике мифической поэтессы звучат отголоски и самой драмы, и работ М. Волошина о Вилье⁵.

Соединяя имя Черубины де Габриак с именами Барбэ д'Оревильты и О. Вилье де Лиль-Адана и называя всех троих поэтами, рожденными под «Созвездием Сна», М. Волошин указывает: «Они — обладатели сказочных сокровищ, утративших ценность; они владетели престолов и корон, которых больше нет на земле» [10, т. 6, кн. 1, с. 262]. Ср. в «Апофеозе...»: «Царственные сокровища Вилье в реальной, литературной жизни Парижа были подобны тем заговоренным кладам, которые, раскрытые в полночь, ослепляют кладоискателя блеском золотых монет, а днем оказываются черепками битой посуды» [10, т. 3, с. 29]. Мотивы, связанные с несуществующими царствами и призрачными сокровищами, появляются в «портретном» (по позднейшему определению М. Волошина) стихотворении [здесь и далее выделено мной, если не указано иное. — А.С.]:

С моею **царственной мечтой**

Одна брожу по всей вселенной,

5 Большинство рассматриваемых нами стихотворений Ю.Е. Павельева соотносит с поэзией М. Лохвицкой, считая Е. Дмитриеву «прямой наследницей» старшей современницы [5, с. 120–130]. Однако — при всей справедливости указаний на близость художественных миров поэтесс — соположение с творчеством О. Вилье де Лиль-Адана также кажется правомерным и значимым.

С моим **презрением к жизни тленной**

С моею горькой красотой.

Царицей **призрачного трона**

Меня поставила судьба...

Венчает гордый выгиб лба

Червонных кос моих корона [15, с. 3].

Выражение «царственная мечта» характеризует героиню — обладательницу этой мечты (подобно ей Аксель говорит Саре: «Зачем пытаться <...> преклонить наши столь **царственные желания** перед компромиссами всех мгновений» [8, с. 228]) — и одновременно содержит утверждение царственной власти мечты над реальностью.

В статье «Апофеоз мечты...» М. Волошин приводит цитату из воспоминаний С. Малларме о Вилье де Лиль-Адане: «...никто не явил в это мгновение юности <...> то сверкание мысли, которое навсегда отмечает грудь бриллиантом Ордена Одиночества. То, чего хотел действительно этот пришелец, было <...>: царствовать. Когда газеты заговорили о кандидатуре на свободный престол, — то был престол Греции, — не посмел ли он предъявить немедленно свои права на него, опираясь на царственных своих предков? <...> И этот претендент на все царственные венцы не избрал ли, прежде всего, своего престола между поэтами?» [10, т. 3, с. 27–28]. К упомянутой в приведенном отрывке истории с греческим престолом критик возвращается еще дважды. Выстраивая «двойную биографию» французского писателя, он упоминает о притязаниях на власть в Греции в «Реальностях духа», а затем в «Реальностях здравого смысла» выясняет подоплеку легенды, в основу которой легла мистификация — сделанное приятелем-врагом О. Вилье ложное объявление в газете, которому сам писатель поверил. Для поэта, одной из главных черт которого М. Волошин назвал «царственное утверждение лазурной мечты», все реальные царства оказываются призрачными, но ему остается его истинное царство — мечта, благодаря которой он возвышается и властвует над действительностью.

Обобщая поэзию и мемуары, М.С. Ланда так характеризует облик поэтессы: «Черубина происходит из древнего и богатого рода крестоносцев. Ее отец — уроженец Южной Франции, а мать — русская. Она воспитывается в католическом монастыре в Толедо. <...> она обладает страстным и

независимым характером. Один из главных мотивов ее стихов — рыцарская любовь и походы крестоносцев. <...> Черубина необыкновенно красива и проводит жизнь взаперти в замке по воле своей семьи, которая с кастильской строгостью заботится о ее репутации» [3, с. 23].

Создавая романтический образ таинственной поэтессы, М. Волошин и Е. Дмитриева позаботились о его внешних атрибутах: древнее происхождение подчеркивалось гербом (стихотворение «Наш герб») и девизом («скорбный и грозный» девиз *Vae victis*, которым были запечатаны письма Черубины, упоминается в «Гороскопе...» М. Волошина). Внимание к этим деталям, вызванное, по позднему признанию М. Волошина, стремлением «окончательно очаровать» В. Маковского, на наш взгляд, напрямую связано с работой над «Акселем», в котором эти романтические атрибуты имеют сюжетобразующую функцию. Девиз Сары в финале становится заклинанием, открывающим доступ к сокровищам, а диалог Настоятельницы и Архидиакона о «более чем странном» гербе князей де Моперс — ключевой эпизод, намекающий на дальнейшее развитие событий и одновременно подсвечивающий их древнюю предопределенность:

Настоятельница. Это гербы!.. Где я их видела? Восточный гербовый щит, который поддерживают эти необычайные золотые сфинксы... Эти герцогские перья... <...> Голубые — с Адамовой крылатой головой, серебряной; такое же семизвездие посередине; с девизом на буквы имени <...>.

Архидиакон. <...> Это действительно герб Моперсов, который они странным образом разделяют с некоей германской ветвью знатного австро-венгерского рода графов Ауерспергов. <...> Дело идет об одном рассказе времен рыцарства и крестовых походов, в котором чудесное преобладает над реальным. Вот: главы обеих этих фамилий были в одно и то же время, оказывается, посланниками, один Франции, другой Германии, при египетском султани <...>. И один «Маг», который присутствовал в тайном совете египетского властелина, сумел убедить обоих рыцарей заменить этими таинственными золотыми сфинксами двух львов, поддерживавших их общий герб [8, с. 90–91].

Следуя за логикой драмы, М. Волошин и в характеристике ее автора обращается к геральдическим знакам его рода: «Герб Вилье де Лиль-Ада-

нов, подобно гербам Ауерспергов и Моперсов, тоже несет в себе пророчество и указание: это лазурная голова с такою же десницей на золотом поле, овитом складками горностаевой порфиры и девиз: “Va oultre!” [“Иди до предела!” (франц.)]» [10, т. 3, с. 26].

Герб в стихотворении Черубины не просто странен, он не определен. Это скорее метафора, чем описание реальной вещи:

Наш герб
Червленный щит в моем гербе,
И знака нет на светлом поле.
Но вверен он моей судьбе,
Последней — в роде дерзких волей...

Есть необманный путь к тому,
Кто спит в стенах Иерусалима,
Кто верен роду моему,
Кем я звана, кем я любима;

И — путь безумья всех надежд,
Неотвратимый путь гордыни;
В нем — пламя огненных одежд
И скорбь отвергнутой пустыни...

Но что дано мне в щит вписать?
Датуры тьмы иль розы храма?
Тубала медную печать
Или акацию Хирама? [14, с. 5]

Как главы фамилий в драме О. Вилье, заменившие львов на сфинксов, лирическая героиня, выбирая свой герб, выбирает жизненный путь. В то же время она — последняя представительница рода, как и Сара де Моперс, девиз которой: «Macte Animo! Ultima PERfulget Sola» [Смелей! Последняя [звезда] сияет одна (лат.)]⁶. («Вещие слова, если Господу будет угодно: Сара — последняя

6 Перевод с латинского О.В. Будагаиной; приводится по Собранию сочинений М.А. Волошина.

в роде князей де Моперс», — говорит Настоятельница [8, с. 90]). Отметим, что в статье «Апофеоз мечты» сам О. Вилье де Лиль-Адан назван М. Волошиным «последним представителем» «великого исторического рода» [10, т. 3, с. 26]⁷.

В Саре де Моперс воплощается излюбленный тип идеальной героини О. Вилье де Лиль-Адана: она обладает абсолютной, но трагичной красотой; искренне верующая, она проводит дни и ночи в библиотеке монастыря, изучая манускрипты розенкрейцеров; под ее внешней бестрепетностью скрывается «пламенеющая душа», при этом ее непомерная гордыня сочетается с простотой и добротой, а страстность и чувственность — со скромностью и целомудрием. Эту двойственность выявил в своем «Гороскопе» М. Волошин, указывая, что Сара де Моперс и Черубина де Габриак рождены «под сочетанием Венеры и Сатурна»⁸: «Венера свидетельствует о великодушии, приветливости и экспансивности; Сатурн сжимает их кольцом гордости, дает характеру замкнутость, которая может быть разорвана лишь страстным, всегда трагическим жестом» [10, т. 6, кн. 1, с. 261]. В описании внешности, которой М. Волошин наделяет Черубину, преобладают характерно романтические черты: «...рожденные под этим сочетанием отличаются красотой, бледностью лица, особым блеском глаз. Они среднего роста. Стройны и гибки. Волосы их темны, но имеют рыжеватый оттенок»⁹ [10, т. 6, кн. 1, с. 262]. На протяжении всей драмы О. Вилье де Лиль-Адана подчеркивается «чрезмерная» красота Сары, ее смертельная бледность, сияющие глаза, гибкие движения. «Горькая» красота Сары и Черубины опасна для приближающихся к ним: «Увы! И цветы и дети умирают в моей тени» [8, с. 214], — восклицает Сара. «Но я одним усталым взглядом / Гублю ненужные цветы», — вторит Черубина (цит

7 Очевидно, концепция «увенчания рода», «вершины пирамиды» была для критика так важна, что он лишь мельком упоминает о существовании сына писателя — Виктора, хотя в дневнике М. Волошина сохранились интересные записи воспоминаний Рене Гиля об отношении О. Вилье де Лиль-Адана к своему ребенку.

8 Отметим, что в своем «Гороскопе...» М. Волошин доит все, касающееся Черубины: называет две влияющие на нее планеты (Сатурн и Венера), двух родственных авторов (Барбэ д'Оревилли и О. Вилье де Лиль-Адан), двух «предшественниц» (Сара де Моперс и св. Тереза), указывает на связь с двумя странами каждого из двух «миров»: западного (Испания и Франция) и восточного (Персия и Палестина). Возможно, этот прием соотносится и с внутренней противоречивостью героини, и с мотивом двойничества, очень важным в лирике Черубины де Габриак.

9 В лирике Черубины описание внешности героини дается намного тоньше, через детали: «нежные кисти рук», «тонкий рот», «синие нежные жилки на бледных руках», рыжие волосы («алые волосы», «червонные косы»).

по: [10, т. 6, кн. 1, с. 265]). Случайной жертвой губительной красоты Сары становится юная монахиня сестра Алоиза:

Настоятельница. И посмотрите, мой отец, до каких пределов простирается соблазнительная власть этой девушки! Необычайная красота мадемуазель Сары де Моперс глубоко поразила сестру Алоизу: она стала молчаливой, как бы ослепленной.

Архидиакон. <...> Остерегайтесь! Это нечто вроде древней порчи! [8, с. 96].

Последнее слово подводит нас к стихотворению Черубины, которое, несмотря на то что в основе его лежит фольклорный образ, явственно перекликается со страстным монологом Сары. Оба текста пронизаны мотивом властной, почти смертоносной чувственной любви:

О. Вилье де Лиль-Адан. «Аксель».

Монолог Сары

Все ласки других женщин не стоят моих жестокостей! Я самая мрачная из всех девушек. Мне кажется, что я помню иногда, как я соблазнила ангелов. <...>

Дай соблазнить тебя! Я научу тебя удивительным словам, которые пьянят, как вина Востока! Я могу усыпить тебя ласками, которые **убивают**: я знаю тайну неистомных наслаждений, упоительных вскриков, сладострастий, в которых изнемогает всякая надежда. О! Похоронить тебя в моей белизне — и ты оставишь в ней твою душу, как цветок, **погибший** под снегом. <...> **Уступи!** Ты поблднеешь под моими **горькими ласками**; и я нежна буду к тебе, когда ты будешь извиваться в этих пытках. <...> Узнай в моих глазах душу прекрасных ночей, в которые ты проходил по долинам и глядел в небо: **я — то изгнание под неведомыми созвездиями, которого ты искал!** <...> Отдай себя, Аксель, Аксель!.. [8, с. 214–215].

Черубина де Габриак.

«Лишь раз один, как папоротник, я...»

Лишь раз один, как папоротник, я
Цвету огнем весенней, пьяной ночью...
Приди за мной к лесному средоточию,
В заклятый круг, приди, сорви меня!
Люби меня! **Я всем тебе близка.**
О, **уступи моей любовной порче,**
Я, как миндаль, **смертельна и горька,**
Нежней, чем **смерть**, обманчивей и
горче [14, с. 9].

Властная страстность героинь сочетается с «сатанинской» (М. Волошин) гордостью: «На вашем всегда бледном лице сверкает отблеск неведомой древней **гордыни**» (Настоятельница — Саре [8, с. 86]) — «И — путь безумья всех надежд, / Неотвратимый путь гордыни» (Черубина де Габриак «Наш герб»). Связанная с этими качествами кошунственная — плотская — любовь к Христу становится важным мотивом лирики Черубины де Габриак (стихотворения «Твои руки», «Распятие», «Мечтою близка я гордыни»). Надеясь Черубину греховной страстью к божественному, создатели мифической поэтессы, очевидно, ориентировались на откровения Терезы Авильской, однако мельком эта тема появляется и в монологе Сары: «Мне кажется, что я помню иногда, как я соблазнила ангелов»¹⁰ [8, с. 215].

Мечтою близка я гордыни,
Во мне есть соблазны греха,
Не ведаю чистой святости...
Плоть Христова, освяти меня!

Как дева угасшей лампы,
Отвергшая зов Жениха,
Стою у небесной ограды...
Боль Христова, исцели меня!

И дерзкое будет раздумье
Для павших безгласная дверь:
Что, если за нею безумье?..
Страсть Христова, укрепи меня!

Объятая трепетной дрожью —
Понять не хочу я теперь,
Что мудрость считала я ложью...
Кровь Христова, опьяни меня! [14, с. 6]

¹⁰ Нельзя не вспомнить, что в обращенном к Черубине де Габриак стихотворении Дмитрий Усов писал: «Мне верится, что ты и Херувима, / сведя с небес, могла склонить на грех...» [16, с. 188].

Кроме мотива преступной любви, в процитированном стихотворении появляются мотивы сомнения и отречения — очень важные во всей драме О. Вилье де Лиль-Адана. (Отметим, кстати, что восходящий к библейской притче образ «девы угасшей лампы» появляется и в драме французского автора: после отречения Сары одна из монахинь восклицает: «Я понимаю теперь! Дурное знамение ночью: Божии светочи потухли... светочи безумных дев тоже потухли перед пришествием жениха!» [8, с. 107–108].) Однако если здесь мы можем говорить только об общности мотивов, то стихотворение «Сонет»¹¹ однозначно перекликается с текстом «Акселя»:

Моя любовь — трагический сонет.
В ней властный строй сонетных повторений,
Разлук и встреч и новых возвращений, —
Прибой судьбы из мрака прошлых лет.

Двух девушек незавершенный бред,
Порыв двух душ, мученье двух сомнений,
Двойной соблазн небесных искушений,
Но каждая — сказала гордо: «нет».

Вслед четных строк нечетные терцеты
Пришли ко мне возвратной чередой,
Сонетный свод сомкнулся надо мной.

Повторены вопросы и ответы:
«Приемлешь жизнь? Пойдешь за мной вослед?
Из рук моих причастье примешь?»
«Нет!» [14, с. 8]

Для Сары де Моперс «небесным искушением» становится католическая истина, проповедуемая Архидиаконом: отрекаясь от пострижения, Сара, по мысли М. Волошина, преодолевает «соблазн легкого вечного спа-

¹¹ Зачастую это стихотворение рассматривается в контексте темы двойничества Е. Дмитриевой / Черубины. М.С. Ланда видит здесь мотив выбора «между Христом и Люцифером» [3, с. 13–14].

сения». Последний терцет является парафразой кульминации первого акта «Акселя» — акта, который М. Волошин назвал «образцом драматического построения»: «...Сара с самого начала и до конца акта находится на сцене; все, что совершается, совершается о ней, все, что говорится, — говорится для нее или обращено к ней, но сама она произносит только одно слово, в котором сосредоточивается вся сила драматического действия и весь философский смысл этого акта. <...> На вопрос: “Принимаешь ли ты свет, надежду и жизнь?” Сара отвечает вятым и серьезным голосом свое “нет”» [10, т. 3, с. 11, 14]. Стоит подчеркнуть, что для Сары «отречение от идеала Божественного» — только начало пути, на котором ей предстоит преодолеть земные соблазны, чтобы вознестись «в собственную Бесконечность». Таким образом, в «Сонет» Черубины вплетается тема духовного пути, звучащая в стихотворении «Наш герб».

Проследив связь лирики Черубины де Габриака с творчеством французского писателя, перейдем к другому аспекту — сопряженности самой идеи мистификации с художественным миром О. Вилье де Лиль-Адана.

Пытаясь определить мотивы, движущие М. Волошиным и Е. Дмитриевой, М.С. Ланда указывает, что киммерийского поэта «глубоко интересовала идея игры и мифологизации в поэзии и творчестве вообще»: «...игра в Черубину, которая со стороны казалась всего лишь литературной шуткой, имела глубокую теоретическую основу: игра была тем чудом, которое должно было породить искусство и претворить миф в жизнь. Черубина для Волошина таила необычайный соблазн проверить свою мифотворческую идею и одновременно создать совершенно новую для русской литературы поэтессу» [3, с. 19]. Рискнем предположить, что решение «претворить миф в жизнь», воплотить удивительную поэтессу могло быть спровоцировано в том числе увлечением творчеством О. Вилье де Лиль-Адана.

В «Воспоминаниях о Черубине де Габриака», рассказывая о влюбленности С.К. Маковского в таинственную поэтессу, М. Волошин пишет: «Нам удалось сделать необыкновенную вещь — создать человеку такую женщину, которая была воплощением его идеала и которая в то же время не могла его разочаровать впоследствии, так как эта женщина была призрак» [10, т. 7, кн. 2, с. 463]. Созданные в эмиграции мемуары С. Маковского свидетельствуют о том, что «мифотворцы» попали в цель, а также содержат важное уточнение, указывающее на истоки самой идеи: «Эта необыкновенная

девушка становилась для меня именно той, о которой так легко мечтается в молодые годы, той, кого популярный тогда в кругу “Аполлона” Вилье де Лиль-Адан назвал — в своем знаменитом романе — *l’Eve future*, той, кому приписываешь все совершенства, подсказанные еще не проученным жизнью воображением» [12, с. 346]. Это признание возвращает нас к весне 1909 г. — дело в том, что изначально в планах М. Волошина для «Аполлона» фигурировала статья не об «Акселе», а о «Будущей Еве», и поэт, вероятно, делился с будущим редактором своим отношением к этому роману.

По сюжету романа «чародей из Менло-Парка», изобретатель Томас Альва Эдисон, впечатленный судьбой своего друга мистера Андерсона, доведенного до разорения и самоубийства случайно начавшейся связью с «рыжекудрой красоткой», решает «подвергнуть строгому анализу» природу губительных женских чар, а затем воспроизвести образы красавиц, вызывающих любовь, в виде «чудесных автоматов», которые — в отличие от реальных женщин, неизменно «разочаровывающих влюбленных», — «будут духовно усовершенствованы наукой, а потому будут оказывать целительное действие» [9, с. 155]. Роман повествует о создании и гибели первого и единственного такого автомата — андреиды Гадали (по словам Эдисона, имя это с персидского переводится «идеал»). Изобретение Эдисона почти готово и ждет своего «пробуждения» — воплощения в подходящей телесной оболочке. В этот момент ученый узнает о беде лорда Эвальда, некогда спасшего ему жизнь: благородный молодой лорд влюблен в женщину, обладающую телом богини и душой мещанки, причем обе грани ее существа выражают предел этих качеств: мисс Алисия Клери прекрасна, как Венера, и абсолютно не способна не только на возвышенные чувства, но даже на простую привязанность. «О, если бы отторгнуть эту душу от этого тела!», — в отчаянии восклицает Эвальд. Эдисон и молодой лорд решаются на создание двойника: «Была предложена игра, и ставкой в этой партии предстояло стать — с точки зрения науки — призраку» [9, с. 74]. Однако «призрак» покоряет Эвальда, после душевной борьбы он признается: «Если сравнить вас обеих, фантомом окажется живая» [9, с. 187]. Воплощенная Гадали становится для лорда идеальной возлюбленной, отвечающей всем возвышенным желаниям его души. Но по воле рока гениальное изобретение гибнет от кораблекрушения на пути в Англию.

В заметке 1911 г., посвященной «Будущей Еве» («Московская газета», № 130), М. Волошин пишет: «Роман этот заслуживает имени гениаль-

ного вовсе не потому, что он так точно описывает устройство механизма женщины, созданной Эдисоном, и не потому, что он в 80-х годах описывает подробно устройство кинематографа, изобретенного в 1897 году, а потому, что он, вскрывая с едкой горечью все тайные пружины чувственной любви, с совершенно дьявольским остроумием доказывает, что их можно подменить, подделать, создать женское обаяние чисто механически, идя к цели более логическими и неотвратимыми путями, чем идут женщины. Те главы, где Эдисон раскрывает механизм влюбленных бесед и тех внутренних интеллектуальных вдохновений, внушаемых женщиной, вызывают головокружение в читателе» [10, т. 6, кн. 1, с. 432–433].

Продемонстрировав Эвальду массу приспособлений, с помощью которых соблазнившая Андерсона танцовщица совершенствовала свою внешность, Эдисон обращается к устройству Гадали. Подробно описав способ воссоздания самых разных особенностей человеческой плоти, ученый восклицает: «...подумайте, за счет каких мелочей создается порою неотразимое целое! Подумайте, от каких мелочей зависит и сама любовь!» [9, с. 146]. Создатели Черубины тоже не пренебрегали «мелочами» — бумага с траурной каймой, «запах пряных духов», почерк, засушенные травы — все это влияло на воображение С. Маковского¹².

Если при объяснении работы встроенных в искусственную женщину механизмов О. Вилье де Лиль-Адан стремится к научности, то в словах ученого, разъясняющего, как возможно вести диалоги с «куклой», т. е. при описании «механизма влюбленных бесед» явственно звучит философия писателя. Объяснение «внутренних интеллектуальных вдохновений, внушаемых женщиной», становится продолжением важной в мировоззрении писателя идеи: «...мы владеем лишь тем, что способны в этом мире воспринять, — каждый в зависимости от собственной природы» [9, с. 75]. Влюбленным не дано «увидеть друг друга *такими, какими являются в действительности*», «любимое существо — всего лишь творение любящего» [9, с. 130, 131]. Убеждая молодого лорда уделить Гадали «немного самого себя», Эдисон поясняет: «...ее “образ мыслей” <...> станет образом души, который

12 «Позтесса как бы невольно проговаривалась о себе, о своей пленительной внешности и о своей участи загадочной и печальной. Впечатление заострялось и почерком, на редкость изящным, и запахом пряных духов, пропитавших бумагу, и засушенными слезами “богородичных травок”, которыми были переложены траурные листки» [12, с. 336].

предпочитает ваша меланхолия. В ее образе мыслей вам будет явлена лишь *ваша единственная любовь* во всем ее блеске <...>. Слова андреиды никогда не обманут ваших ожиданий! Они всегда будут возвышенны — настолько, насколько подскажет ваше вдохновенье» (курсив автора. — А.С.) [9, с. 129].

Сама Гадали, сущность которой, несмотря на все объяснения ее создателя, остается загадочной, так как в нее таинственным образом перетекает душа ясновидящей Сованы, тоже становится *porte-parole* автора. Выражая отношение писателя к связям между реальностью, мечтой и верой, Гадали говорит Эвальду: «Кто я? Существо из мира мечтаний, постепенно пробуждающееся у тебя в мыслях <...>. Припиши мне бытие, скажи, что я существую! <...> И я обрету жизнь в твоих глазах с той степенью реальности, которую придаст мне твое волеизъявление, обладающее творческой силой. Как и всякая женщина, я буду для тебя тем, чем ты меня сочтешь» [9, с. 182–183]. Родственный пассаж приводит М. Волошин в своей первой работе о Вилье — рецензии на сборник «Жестокие рассказы» (Русь, 1908, № 141): «В одном из черновых набросков “Грядущей Евы” есть такой отрывок: “Теперь я утверждаю, что реальность имеет свои степени. Каждая вещь становится для нас реальна более или менее, смотря по тому, более или менее она интересует нас; так как та вещь, которая нас вовсе не интересует, перестает существовать для нас, то есть, оставаясь физической, становится менее реальной, чем бесплотная мечта, которой мы отделились”» [10, т. 6, кн. 1, с. 148]. Проблема формирования реальности под воздействием веры в воображаемое представляла для М. Волошина — теоретика и практика искусства — большой интерес. Петербургская мистификация и роль в ней С.К. Маковского в этом отношении весьма показательны: поверивший в Черубину редактор «Аполлона» не только стал невольным автором ее биографии¹³, но всем своим поведением (слежка, подкуп дворецкого и т. д.) упрочил существование иллюзорной поэтессы.

13 В «Воспоминаниях о Черубине де Габриак» читаем: «На другой день Лиля позвонила Маковскому. Он был болен, скучал, ему не хотелось класть трубку и он, вместо того, чтобы кончать разговор, сказал: “Знаете, я умею определять судьбу и характер человека по его почерку. Хотите, я расскажу Вам все, что узнал по Вашему?” И рассказал, что отец Черубины — француз из Южной Франции, мать — русская, что она воспитывалась в монастыре в Толедо и т. д. Лиле оставалось только изумляться, откуда он все это мог узнать, и таким образом мы получили ряд ценных сведений из биографии Черубины, которых впоследствии и придерживались» [10, т. 7, кн. 2, с. 458].

Произведения О. Вилье де Лиль-Адана вплелись в творчество и личную судьбу М.А. Волошина и Е.И. Дмитриевой. Погружение в тексты французского писателя летом 1909 г. совпало со временем сближения коктейбельского поэта и «Лили» (Е.И. Дмитриевой). Плодом этого союза стал смелый жизнетворческий эксперимент — воплощение своего рода «Будущей Евы» — идеальной женщины-поэтессы, одним из ориентиров при создании образа которой послужила героиня «Акселя».

Список литературы

Исследования

- 1 Бреева Т.Н. Литературно-критическая деятельность М.А. Волошина: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1996. 191 с.
- 2 Заборов П.Р. Драма Вилье де Лиль-Адана «Аксель» в переводе М.А. Волошина // Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Вып. 3. С. 3–9.
- 3 Ланда М.С. Миф и судьба // Черубина де Габриак. Исповедь. М.: Аграф, 1998. С. 5–44.
- 4 Листопад А.В. Творчество Е.И. Дмитриевой: особенности художественного мира и своеобразии духовного поиска: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 250 с.
- 5 Павельева Ю.Е. Образ лирической героини поэзии М.А. Лохвицкой: поэтика на стыке классики и модернизма. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2014. 236 с.
- 6 Палачева В.В. Родословная Черубины де Габриак // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Томск: ТГУ, 2008. С. 3–20.
- 7 Цурган Т.Ф., Устюжин И.Б. Сотворение Черубины: попытка реконструкции // XVII Волошинские Чтения. Международная научно-практическая конференция «ВСЕЛЕННАЯ СВОБОДЫ И ЛЮБВИ...»: Сб. науч. ст. Симферополь: Антиква, 2016. С. 178–184.

Источники

- 8 Вилье де Лиль-Адан О. Аксель // Волошин М.А. Собр. соч. М.: Эллис-Лак, 2006. Т. 4: Переводы. С. 84–233.
- 9 Вилье де Лиль-Адан О. Будущая Ева // Вилье де Лиль-Адан О. Избранное. Л.: Худож. лит., 1988. С. 17–200.
- 10 Волошин М.А. Собр. соч.: [в 13 т., 17 кн.]. М.: Эллис Лак 2000, Эллис Лак, 2003–2015.
- 11 Дмитриева Е.И. Исповедь // Черубина де Габриак. Исповедь. М.: Аграф, 1998. С. 273–276.
- 12 Маковский С.К. Черубина де Габриак // Маковский С.К. Портреты современников. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 333–358.

- 13 Толстой А.Н. Н. Гумилев // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М.: «Вся Москва», 1990. С. 38–44.
- 14 Черубина де Габриак. [Стихи] // Аполлон. [Литературный альманах]. 1909. № 2. С. 3–10.
- 15 Черубина де Габриак. Стихи // Аполлон. [Литературный альманах]. 1910. № 10. С. 3–14.
- 16 Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной: Жизнеописание. Письма 1908–1928 годов. Письма Б.А. Лемана к М.А. Волошину. Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 2009. 240 с.

References

- 1 Breeva, T.N. *Literaturno-kriticheskaia deiatel'nost' M.A. Voloshina: dis. ... kand. filol. nauk* [The Works of M.A. Voloshin as a Literary Critic: PhD Thesis]. Kazan, 1996. 191 p. (In Russ.)
- 2 Zaborov, P.R. “Drama Vil'e de Lil'-Adana 'Aksel' v perevode M.A. Voloshina” [“Villiers de l'Isle-Adam's Drama 'Axel' Translated by M. Voloshin”]. *Maksimilian Voloshin. Iz literaturnogo naslediia* [Maximilian Voloshin. From the Literary Heritage], issue 3. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, pp. 3–9. (In Russ.)
- 3 Landa, M.P. “Mif i sud'ba” [“Myth and Fate”]. Cherubina de Gabriak. *Ispoved'* [Confessiones]. Moscow, Agraf Publ., 1998, pp. 5–44. (In Russ.)
- 4 Listopad, A.V. *Tvorchestvo E.I. Dmitrievoi: osobennosti khudozhestvennogo mira i svoeobrazie dukhovnogo poiska: dis. ... kand. filol. nauk* [The Works of E.I. Dmitrieva: Specificity of the Fictional World and Originality of the Spiritual Search: PhD Thesis]. Moscow, 2008. 250 p. (In Russ.)
- 5 Pavel'eva, Iu.E. *Obraz liricheskoi geroini poezii M.A. Lokhvitskoi: poetika na styke klassiki i modernizma* [The Image of M.A. Lokhvitskaya's Lyrical Heroine: Poetics at the Junction of Classics and Modernism]. Moscow, MGI im. E.R. Dashkovoi Publ., 2014. 236 p. (In Russ.)
- 6 Palacheva, V.V. “Rodoslovnaia Cherubiny de Gabriak” [“Genealogy of Cherubina de Gabriak”]. *Russkaia literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyi dialog* [Russian Literature in the 20th Century: Names, Issues, Cultural Dialogue]. Tomsk, TSU Publ., 2008, pp. 3–20. (In Russ.)
- 7 Tsurgan, T.F., Ustiuzhin, I.B. “Sotvorenie Cherubiny: popytka rekonstruktssii” [“Creation of Cherubina: Reconstruction Attempt”]. *XVII Voloshinskie Chteniia. Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia “VSELENNAI A SVOBODY I LIUBVI...”*: *Sbornik nauchnykh statei* [17th Voloshin Proceedings. International Scientific-Practical Conference “UNIVERSE OF FREEDOM AND LOVE...”: Collection of Scientific Articles]. Simferopol, Antikva Publ., 2016, pp. 178–184. (In Russ.)